

ТУЛЬСКИЙ КРАЙ В „ЗАПИСКАХ ОХОТНИКА“ И. С. ТУРГЕНЕВА

*Н. Лощинин,
кандидат филологических наук*

ОСЕНЬЮ этого года исполнилось сто лет со дня выхода отдельным изданием „зажигательной книги“ рассказов И. С. Тургенева „Записки охотника“. Первые рассказы ее „Хорь и Калиныч“, „Петр Петрович Каратаев“, „Ермолай и мельника“, „Мой сосед Радилов“, „Одноворец Овсянников“, „Льгов“, „Бурмистр“ были напечатаны в „Современнике“ в 1847 году, затем в разное время, с 1848 до 1851 гг., появились „Малиновая вода“, „Уездный лекарь“, „Бирюк“, „Лебедянь“, „Татьяна Борисовна и ее племянник“, „Смерть“, „Гамлет Щигровского уезда“, „Чертопханов и Недопюскин“, „Лес и степь“, „Певцы“, „Свиданье“, „Бежин луг“, „Касьян с Красивой Мечи“ и др. В 1852 г. вышел первый сборник, состоявший из 22 рассказов. В семидесятые годы Тургенев снова возвратился к „старой манере“ и написал еще три рассказа: „Конец Чертопханова“, „Живые мощи“, „Стучит“, которые также были включены автором в „Записки охотника“. Всего, таким образом, в книгу вошло двадцать пять рассказов. Как видно, Тургенев писал их в различное время. Первые рассказы создавались в эпоху общественного подъема, когда во главе русской литературы стоял такой выдающийся мыслитель и критик, как В. Г. Белинский, с которым И. С. Тургенев познакомился в Петербурге вскоре по возвращении из Берлинского университета. В своих воспоминаниях Тургенев указывал на то, что он беседовал с Белинским на „философско-литературные, критико-эстетические и, пожалуй, социальные“¹ темы. Можно смело утверждать, что Тургенев „всецело отдался русской литера-

¹ И. С. Тургенев, Собр. соч. Изд. „Правда“, 1949, т. 10, стр. 211.

стого трудового народа, подошел к изображению крепостных крестьян „с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил“¹.

В том же 1847 г. о положительном успехе рассказов Тургенева писал и Некрасов. „Успех Ваших рассказов повторился еще в большой степени в Москве, — сообщал он ему, — все знакомые Вам москвичи от них [в] восторге и утверждают, что о них говорят с восторгом и в московской публике. Нисколько не преувеличу, сказав Вам, что эти рассказы сделали такой же эффект, как романы Герцена и Гончарова“². Редактор „Современника“, знаменитый народный поэт, советует автору продолжать рассказы и потом издать их отдельной книгой, чтобы они не затерялись в журналах.

В процессе работы над рассказами „Записки охотника“, в 1848 г., Тургенев высказал замечательную мысль, проливающую свет на особенность его творческого дарования. „Я не могу видеть без волнения, — писал он, — как ветка, покрытая молодыми, зеленеющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубом небе... Жизнь, ее реальность, ее капризы, ее случайности, ее привычки, ее мимолетную красоту... все это я обожаю... Я прикован к земле“ (Курсив мой — Н. Л.) Подобную мысль высказал П. Боборыкин в статье „Тургенев дома и за границей“. „Сочинять я никогда ничего не мог, — передает он слова Тургенева. — Чтоб у меня что-нибудь вышло, надо мне постоянно возиться с людьми, брать их живьем. Мне нужно не только лицо, его прошедшее, вся его обстановка, но и малейшие житейские подробности. Так я всегда писал, и все, что у меня есть порядочного, дано жизнью, а вовсе не создано мной“³. Но жизненная правда дореволюционной России, тюрьмы народов, как называл ее В. И. Ленин, отображенная в произведениях Тургенева, была ненавистна представителям господствующего класса. Вот почему, когда „Записки охотника“ были изданы отдельной книгой, цензор в записке для министра народного просвещения с возмущением восклицал: „...где он (Тургенев — Н. Л.) нашел таких!“⁴ (крепостных крестьян и деспотов-помещиков — Н. Л.)

Картины, образы, созданные в „Записках охотника“, Тургенев нашел в жизни средней полосы России; большой материал для творчества дала ему Тульская область.

Живя в Спасск-Лутовинове, недалеко от Мценска, Иван Сергеевич часто выезжал на охоту за сто и более километров. Он побывал в районах Курской, Калужской областей, до-

¹ В. Г. Б е л и н с к и й, Сочинения в трех томах, т. 3, стр. 832.

² Н. А. Н е к р а с о в, Полное собр. соч., т. 10, стр. 70—71.

³ П. Б о б о р ы к и н, Тургенев дома и за границей, „Новости“, 1883, № 177, от 27.IX.

⁴ Цитируется по брошюре Н. Л. Бродского „И. С. Тургенев“. М. 1950, стр. 42.

вольно часто бродил по полям, лугам и лесам Тульской области.

В Тульской области, в бывшем Чернском уезде, находилось родовое имение отца писателя — Тургенево, которое после раздела имущества в начале 50-х годов досталось брату Ивана Сергеевича — Николаю. Бесспорно, что Тургенев посещал имение отца, жил в нем, общался с тульскими мужиками, бродил на охоте по окрестным местам и всюду видел то же самое жестокое крепостное право.

Красивая Меча, протекавшая через Тульскую область, ее чудесные поймы, луга и леса были хорошо известны писателю и неоднократно описаны им в художественных произведениях. В рассказе „Касьян с Красивой Мечи“ он не только увидел прекрасную природу, но и совершенную бедность крепостного народа. „Юдины выселки, — говорит он о крепостной деревне, — состояли из шести низеньких и маленьких избушек, уже успевших скривиться набок“, на их улице не было ни одной живой души, ни курицы, ни собаки. Крайняя нищета населения — это следствие крепостнических порядков в России. И тем не менее именно в деревне среди простого русского народа он увидел „неабнакавленного“ человека Касьяна, политического протестанта на религиозно-нравственной основе. Не удовлетворяясь крепостною жизнью, стремясь найти „справедливости в человеке“, он долго странствовал по России, ходил „И в Рамён... и в Синбирск — славный град, и в самую Москву-золотые маковки; ...на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку¹“. Однако все его поиски справедливой жизни не увенчались успехом: повсюду он видел то же, что и у себя в Тульском крае. В образе Касьяна Тургенев показал замечательные качества крепостного мужика: его своеобразную любовь к человеку, к вольной жизни среди полей, лугов и рощ, его благоговение перед вольными птицами и ненависть ко всякому насилию, произволу, кровопролитию.

В бывшем Чернском уезде Тургенев увидел замечательный Бежин луг, который описал в одноименном рассказе. В ночном у костра он заслушался трогательными рассказами деревенских ребятишек, которые очаровали его. И эти мальчики — дети крепостных крестьян, с раннего детства приученные к подневольному труду. Тургенев не идеализирует их, а показывает такими, какими они были в действительности. Вот двенадцатилетний Павлушка, „славный парень“. Его одежда, бледное лицо, всклокоченные волосы говорят о том, что он сын бедных родителей, но автор тут же отмечает его обаятельные внутренние качества, указывает на то, что в его голосе звучала сила, в его взгляде сказывался ум. Признаки крайней бедности заметны и в образах Илюши, Кости и лежавшего под рогожей семилетнего Вани. В самом внешнем облике все эти

¹ И. С. Тургенев, Собр. соч., библиотека „Огонек“, т. 1, стр. 98.

мальчики решительно отличаются от беспечного богатого Фе-ди, приехавшего в ночное ради любопытства. И в то же время все они стоят несравненно выше его по своим духовным качествам, отличаются сосредоточенностью, серьезностью, смелостью, деловитостью. Только глубокое знание народной жизни позволило писателю так правдиво воспроизвести жизнь деревенских мальчиков.

В рассказе „Живые мощи“ перед нами снова предстает реальная жизнь, наблюдаемая писателем в Белевском уезде Тульской губернии. Там он встретился с замечательной русской девушкой Лукерьей, загубленной крепостным правом. Лукерья в изображении писателя — „бой-девка“, „первая красавица во всей нашей дворне, — высокая, полная, белая, румяная, — хохотунья, плясунья, певунья!“¹ Обаятельная, жизнерадостная, энергичная девушка, она была предметом любви и увлечений всех деревенских парней. Однако недолго было суждено ей упиваться счастьем. Случайно надорвавшись и потеряв здоровье, Лукерья стала никому ненужной. Она была выселена из усадьбы в глухую деревню, где и умирала, превратившись в живые мощи. И тем не менее даже в таком состоянии она привлекательна: охотно, хотя и с трудом, разговаривает с посещающими ее знакомыми, безропотно переносит свою болезнь, думает о том, чтобы легче жилось крепостным, мечтает о подвиге во славу народа. „Эх, барин!.. — говорила она рассказчику. — Какое такое мое терпение? Вот Симеона Столпника терпение было точно великое: тридцать лет на столбу простоял! А другой угодник себя в землю зарыть велел по самую грудь, и муравьи ему лицо ели... А то вот еще мне сказывал один начётчик: была некая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всех жителей они мучили и убивали; и что ни делали жители, освободить себя никак не могли. И проявись тут между теми жителями святая девственница; взяла она меч великий, латы на себя возложила двухпудовые, пошла на агарян и всех их прогнала за море. А только прогнавши их, говорит им: теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обещание, чтобы мне огненною смертью за свой народ помереть. — И агаряне ее взяли и сожгли, а народ с той поры навсегда освободился! Вот это подвиг! А я что!“² Так с благоговением она говорила о подвиге простой французской патриотки Иоанны д'Арк.

В рассказе „Певцы“ отразились конкретные наблюдения писателя над деревней Колотовкой (Плавский район). Вначале автор дает подробное описание деревни и окрестных ее мест. „Небольшое село Колотовка, принадлежавшее некогда помещице, — читаем мы в рассказе, — за лихой и бойкий нрав про-

¹ И. С. Тургенев, Собр. соч., библиотека „Огонек“, т. I, стр. 271.

² Там же, стр. 187.

званной в околотке Стрыганихой (настоящее имя ее осталось неизвестным), а ныне состоящее за каким-то петербургским немцем, лежит на скате голого холма, сверху донизу рассеченного страшным оврагом, который, зияя, как бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой середине улицы, и пуще реки, — через реку можно по крайней мере навести мост, — разделяет обе стороны бедной деревушки. Несколько тощих ракич боязливо спускаются по песчаным его бокам, на самом дне, сухом и желтом, как медь, лежат огромные плиты глинистого камня. Невеселый вид, нечего сказать, — а между тем всем окрестным жителям хорошо известна дорога в Колотовку¹.

В этой деревне, в „Притынном“ кабаке, он встретил самые разнообразные лица: мещан, крепостных, рядчика, кабатчика и рабочего. Яшка Турок — „по душе — художник во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике у купца“². Это был скромный, застенчивый человек, обладавший удивительным голосом. Когда он во время спора с рядчиком запел старинную народную песню „Не одна во поле дороженька пролежала“, то всем стало сладко и жутко. „Я, признаюсь, — говорит автор, — редко слышивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый... но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная грустная скорбь“³. Отмечая выдающиеся способности Якова, как певца, Тургенев не считает это единичным, исключительным явлением, присущим только ему, а через него распространяет эти свойства на весь русский народ. „Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем, — замечает он, — и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны“⁴. Писатель сумел не только передать могучий голос певца, но также показал и неотразимую действенную силу искусства. Этот рассказ является конкретной иллюстрацией к эстетическим положениям Белинского и говорит о том, что писатель отрицал так называемое „чистое искусство“ и утверждал искусство глубоко идейное, способное пробуждать в народе самые сокровенные чувства и настроения.

Передавая результат пения Якова, автор писал: „Он пел и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо-широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие сдержанные рыдания внезапно поразили меня... я оглянулся — жена целовальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на нее быстрый взгляд и залился еще звонче, еще слаще преж-

¹ И. С. Тургенев, Собр. соч., библиотека „Огонек“, т. I, стр. 172.

² Там же, стр. 180.

³ Там же, стр. 183.

⁴ Там же.

него, Николай Иванович потупился, Моргач отвернулся; Оболдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шопотом покачивая головой¹.

В рассказе „Петр Петрович Каратаев“ автор использовал свое случайное знакомство в почтовом доме „по дороге из Москвы в Тулу“ с „забубенным помещиком“ Каратаевым, носившим на пальцах „серебряные тульские кольца“. Каратаев — кающийся дворянин, отщепенец, разоряющийся в силу появления новой социальной силы „векселя“ — буржуа. Из рассказа этого дворянина мы узнаем о жестоких, бездушных и бессердечных крепостниках, смотревших на мужиков, как на своих холопов, погубивших такую замечательную русскую девушку, как Матрена, ненавидевших всякое стремление народа к свободе, независимости. Для бесчисленной вереницы помещиков-крепостников, о которых говорится в рассказе, характерно слепое исполнение патриархальных принципов, дикое насилие и самодурство.

Таким образом, в „Записках охотника“ есть немало рассказов, написанных на основе тульских впечатлений Тургенева. Правда, не следует думать, что писатель изображал какие-то случайные факты, единичные предметы. Это далеко не так. Жизненные явления, виденные предметы, лица обычно были для него лишь импульсами для раздумий, наблюдений, а затем и обобщений — необходимым условием для создания типических образов. И в этом смысле тульские места, тульские мужики привлекали внимание писателя, который, прославяя их на весь мир, получил и сам мировое признание, как выдающийся мастер слова.

Известное место в „Записках охотника“ занимает изображение тульской природы. Она запечатлена в рассказах „Бежин луг“, „Касьян с Красивой Мечи“ и во многих других. Бодрым, жизнеутверждающим, здоровым пейзажем заканчивает писатель свой рассказ „Бежин луг“: „Не успел я отойти двух верст, — писал он, — как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обгреннным кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редящего тумана — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...²

¹ И. С. Тургенев, Собр. соч., библиотека „Огонек“, т. I, стр. 184.

² Там же, стр. 86.

Тургенев прекрасно понимал, что выразительный, льющийся, необычайно музыкальный русский язык — как море, разлившееся „кругом безбрежными волнами“, и дело писателей — „направить часть этих волн в наше русло, на нашу мельницу“¹. Это „безбрежное море“ народной речи он широко использовал как в речи персонажей, так и в своей. Именно в силу глубокого изучения и умелого использования народной речи язык писателя, по выражению В. И. Ленина, был „велик и могуч“.

Глубоко неправы были вульгаризаторы, марристы и упрощенцы языка, которые рассматривали язык Тургенева как дворянский. Так, Коварский в статье „О языке художественной литературы“ утверждал, что язык Тургенева „возник на основе языка светской повести 30—40-х годов и является своеобразной выжимкой, экстрактом этой традиции в истории русского литературного языка. Язык Тургенева — стерилен, химически очищен, это одна из вершин дворянской языковой культуры“². Нет необходимости доказывать нелепость подобных суждений о языке теперь, после выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию, где дано глубокое обоснование языка как явления общенародного, а не классового.

Появление в печати „Записок охотника“ было крупным событием в русской литературе. Они были восприняты как „стройный ряд нападений, целый батальонный огонь против помещичьего быта“.

Герцен называл книгу Тургенева „обвинительным актом крепостничеству“. „Никогда еще внутренняя жизнь помещичьего дома, — писал он, — не выставлялась в таком виде на всеобщее посмеяние, ненависть и отвращение“³.

Чернышевский по выходе книги писал автору: „После ваших „Записок охотника“ ни одна книга не производила такого восторга“⁴; он прямо назвал Тургенева „честью и славой“ русской литературы.

Н. А. Добролюбов с восторгом сообщал читателям „Современника“ в 1859 г. о том, что видел одобренный цензурой к новому изданию экземпляр „Записок охотника“, которые „уже несколько лет с таким нетерпением ожидала терпеливая русская публика“.

Салтыков-Щедрин указывал, что „Записки охотника“ положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды“.

Лев Толстой, прочитав книгу, сказал, что после Тургенева „как-то трудно писать“, что простой народ, выведенный в

¹ Цитируется по книге А. А. Фета „Мои воспоминания“, ч. II, стр. 237.

² Н. А. Коварский, В спорах о методе, Л. 1934, стр. 208.

³ Цитируется по брошюре Н. Бродского „И. С. Тургенев“, М. 1950, стр. 43.

⁴ Там же.

„Записках охотника“, „так много выше нас стоит своей исполненной трудов и лишений жизнью, что как-то нехорошо нашему брату искать и описывать в нем дурное“¹.

Величайший писатель земли русской увидел в книге Тургенева правдивое изображение русского трудового народа, создателя всех исторических ценностей, — то главное, чего, к сожалению, как раз не было, например, во французской литературе. Анализируя произведения Мопассана, Толстой осуждал автора за то, что он представлял трудовой народ в виде грубых полуживотных с дикими зоологическими страстями. „Конечно, — писал он, — французским авторам лучше знать свойства своего народа, чем мне. Но, несмотря на то, что я русский и не жил с французским народом, я все-таки утверждаю, что, описывая так свой народ, французские авторы не правы и что французский народ не может быть таким, каким они его описывают“².

Толстой решительно утверждает, что как нельзя верить в существование прекрасного дома без фундамента, так и нельзя верить в существование страны, которую бы не держал на своих плечах народ.

Суждения Толстого об изображении крестьян Мопассаном в равной степени относятся и к Золя, Ж. Занд, Бальзаку и многим другим писателям Европы.

Выдающиеся русские писатели видели в „Записках охотника“ отражение национальной русской жизни, позорного „николаевского гнета“, который, по мнению Тургенева, был „своего рода чумою“ для русского общества.

А. М. Горький в курсе лекций по русской литературе специально обратил внимание на „Записки охотника“ И. С. Тургенева. Он отрицает влияние Ж. Занд и Авербаха на Тургенева и считает, что „интерес и внимание к нему (мужику — Н. Л.) вызвал он сам, и вызвал грубейшим образом, именно, путем бунтов и волнений“³. Горький приводит убедительные данные роста народных волнений во второй четверти XIX в. и утверждает: „Если в течение 1460 дней мужик бунтует 172 раза, то выходит, что он бунтует каждые 9 дней по одному разу обязательно — тут уж поневоле обратишь на него внимание и без участия социализма Жорж Занд и прочих посторонних толков“⁴. (Курсив мой — Н. Л.)

Совершенно неправы были сторонники Веселовского, утверждавшие, что творчество Тургенева явилось результатом подражания Ж. Занд и Авербаху, французской и немецкой лите-

¹ „Л. Толстой и Тургенев“ (переписка), 1928. стр. 5.

² Л. Н. Толстой, Полное собр. соч., изд. т-ва И. Д. Сытина, т. XVI, 1913, стр. 254.

³ А. М. Горький, Избранные литературно-критические статьи, ГИХЛ, 1941, стр. 88.

⁴ Там же.

ратуре. Эту мысль настойчиво проводили дореволюционные буржуазные критики: Айхенвальд, Ф. Гершензон, Венгеров, Родзевич, Истомин и некоторые другие. Подобная точка зрения сказалась и в исследованиях некоторых советских ученых — Пумпянского, Пиксанова, Гроссмана, Клемана и других. Кроме того, Л. П. Гроссман „доказывал“, что „Записки охотника“ имеют не общественный, социальный, а „чисто литературный характер“.

Гроссман не понял или не хотел понять глубокого социального значения его рассказов, которые неоднократно использовал в своих высказываниях В. И. Ленин. В статье „Памяти графа Гейдена“ В. И. Ленин писал, что умиление салонного демократа гуманностью Гейдена „заставляет нас вспомнить не только Некрасова и Салтыкова, но и «Записки охотника» Тургенева“¹. Сравнивая гуманного помещика-октябриста Гейдена с Пеночкиным (из рассказа „Бурмистр“), В. И. Ленин говорил: „Перед нами — цивилизованный, образованный помещик, культурный, с мягкими формами обращения, с европейским лоском. Помещик угощает гостя вином и ведет возвышенные разговоры. «Отчего вино не нагрето?» спрашивает он лакея. Лакей молчит и бледнеет. Помещик звонит и, не повышая голоса, говорит вошедшему слуге: «Насчет Федора... распорядиться».

Вот вам образчик гейденовской «гуманности»... Тургеневский помещик тоже «гуманный» человек.. по сравнению с Салтычихой, например, настолько гуманен, что не идет сам в конюшню присматривать за тем, хорошо ли распорядились выпороть Федора. Он настолько гуманен, что не заботится о мочении в соленой воде розог, которыми секут Федора. Он, этот помещик, не позволит себе ни ударить, ни выбранить лакея, он только «распоряжается» издали, как образованный человек, в мягких и гуманных формах, без шума, без скандала, без «публичного оказательства»...“²

Очень хорошо также сказал о Тургеневе М. И. Калинин: „В крепостном крестьянине,— писал он,— Тургенев показал человека, который так же, как и все люди, достоин иметь человеческие права. Правда, об этих правах писатель не говорил, но они напрашивались сами собою, они возбуждали мысль у читателя, что, разумеется, в тогдашних условиях производило политическое действие: вызывало негодование крепостников, ободряло и укрепляло прогрессивные силы. Потому неудивительно, что почти каждая вновь вышедшая книга Тургенева вызывала острую борьбу, различную оценку борющихся литературных групп“³.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. XIII, стр. 40.

² Там же, стр. 40 — 41.

³ М. И. Калинин, О задачах советской интеллигенции, 1939, стр. 52.

Эти слова с полным основанием можно отнести как раз к „Запискам охотника“, которые вызывали страшное негодование крепостников.

Действительно, как только вышли „Записки охотника“ из печати, цензор немедленно написал министру народного просвещения: „Мне кажется, что книга г. Тургенева сделает более зла, чем добра... и вот почему. Полезно ли, например, доказывать нашему грамотному народу (нельзя же отвергать, что „Записки охотника“, как и всякая другая книга, могут быть читаны грамотным крестьянином и другими лицами из нищего сословия), что однодворцы и крепостные наши, которых автор до того опоэтизировал, что видит в них администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных... что крестьяне эти находятся в угнетении, что помещики, над которыми так издевается автор, выставя их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя неприлично и противозаконно...¹“

В свою очередь, министр народного просвещения в особой записке Николаю I доносил: „Значительная часть помещенных (в книге) частей имеет решительное направление к унижению помещиков, которые представляются вообще или в смешном и карикатурном, или чаще в предосудительном для их чести виде... Распространение столь невыгодных мнений насчет помещиков, без сомнения, послужит может к уменьшению уважения к дворянскому сословию со стороны читателей других сочинений“².

Известно, что царь за напечатание книги приказал отстранить цензора князя Львова от должности, а Тургенева выслать из Петербурга в Спаск-Лутовиново. Все это говорит о том, что в книге писателя были затронуты самые злободневные проблемы времени.

„Записки охотника“ получили широкое распространение на Западе. Они были переведены почти на все языки Европы. После выхода книги в 1854 г. во Франции Ж. Занд обратилась с письмом к автору, где писала: „Я была под обаянием той обширной галереи портретов с натуры, которые вы напечатали. Какая мастерская живопись! Как их всех видишь и слышишь, и знаешь всех этих северных крестьян, еще крепостных в то время, когда их описывали... Никто не мог бы сделать это лучше вас!“ Она знала наизусть отдельные рассказы „Записок охотника“. „Живые мощи“ потрясли ее художественной правдой воспроизведения жизни. По воспоминаниям А. В. Анненкова, она, прочитав их, сказала: „Учитель, все мы должны пройти через вашу школу“³.

¹ Цитируется по брошюре Н. Бродского „И. С. Тургенев“, 1950, стр. 42.

² Там же.

³ А. В. Анненков, Литературные воспоминания, 1928, стр. 606—607.

Прошло более ста лет со времени создания „Записок охотника“. Коренным образом изменилась жизнь России после Октябрьской революции 1917 г. Не стало теперь ни паразитов-помещиков Пеночкиных, Полутыркиных, Зверковых, ни бурмистров и барских холопов. Советский народ под руководством партии Ленина — Сталина сверг самодержавие и взял власть в свои руки и, вдохновленный великими идеями своих вождей, строит коммунистическое общество. В этом гигантском строительстве активное участие принимают и трудящиеся Тульской области, которые превращают свой край в цветущий сад с прекрасными водоемами, гидроэлектростанциями на Красивой Мече, с колхозами-миллионерами. Канул в вечность и подневольный детский каторжный труд, описанный Тургеневым. Теперь счастливые советские дети упорно овладевают основами наук, изучают самую передовую советскую науку.

Советский народ высоко чтит память тех великих людей, которые в глухую пору николаевского режима вселяли читателю уверенность в непрочность этого строя и расшатывали его устои. К числу таковых художников относится и И. С. Тургенев, которого В. И. Ленин назвал „знаменитым русским писателем“¹.

Нашим тульским писателям и поэтам предоставлена полная возможность учиться литературному мастерству у выдающихся русских писателей-классиков: Л. Толстого, нашего земляка, создавшего первоклассные произведения искусства; Тургенева, который своими замечательными образами простого трудового русского крестьянства, отличавшегося своей душевной чистотой, высокой нравственностью и человечностью, привлекал внимание читателей мира к средней полосе России, к жизни народа и к природе Орловской, Калужской и Тульской губерний.

Почетная задача тульских писателей — изучить наш край, наших замечательных шахтеров, рабочих-оружейников, колхозников, нашу советскую интеллигенцию и показать наш народ в высокохудожественных рассказах и очерках, повестях и романах, достойных эпохи великого И. В. Сталина.

¹ В. И. Ленин, Сочинения, изд. 3, т. 17, стр. 353.